

ЯРОСЛАВА КУЗНЕЦОВА

Золотая
Свирель

ТОМ 1

Ярослава Анатольевна Кузнецова
Золотая свирель. Том 1
Серия «New Adult. Фейри.
Жестокие и прекрасные»
Серия «Золотая свирель», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71334301

Золотая свирель. Том 1 / Ярослава Кузнецова.: Эксмо; Москва; 2024

ISBN 978-5-04-214077-8

Аннотация

Кто ты Леста Омела? Знахарка, ученица мага, фейри? Ты умерла четверть века назад... и вернулась с той стороны, чтобы рассказать свою историю."

«Золотая свирель» – книга о вере в чудо, о страстном желании стать причастным волшебству и о волшебстве, пронизывающем мир.

«Золотая свирель» – фэнтези о пути мага. О том, насколько запутан, обманчив и опасен этот путь. Это роман взросления, романтическая история и немного детектив.

Вдохновлена легендой о Томасе Рифмаче, побывавшем в стране фейри и вернувшемся в человеческий мир, но навсегда оставшемся отмеченным магией Волшебной Страны.

Эта книга – та самая тропа меж зеленых холмов, о которой рассказывал Толкин, тропа в Волшебную Страну.

Содержание

Кукушонок	6
Амаргин	23
Страж кладбища	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Ярослава Кузнецова

Золотая свирель. Том 1

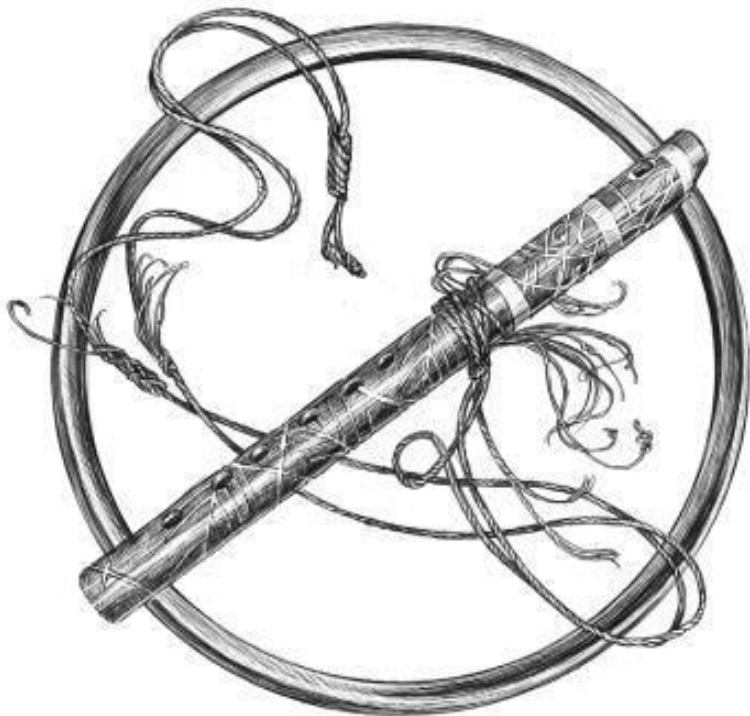
New Adult. Фейри. Жестокие и прекрасные

© Кузнецова Я.А., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Кукушонок

280 год от объединения Дареных Земель под рукой короля Лавена (сейчас)

– Две с четвертью, – сказал продавец. – Если с корзиной,

то три.

– Три четверти за корзину? – поразилась я.

Торговец усмехнулся:

– Может, высыпать в подол, красавица?

– Да подавись ты!

Он ловко поймал деньги. Все так же усмехаясь, снял корзину с прилавка и поставил на землю. Я смотрела на корзину. Продавец смотрел на меня. Корзина была как раз мне по поясу. Рыба в ней благоухала.

– Барышня?

Рядом топтался зевака со свертком в руках.

– Я мог бы донести. Куда скажешь. Всего за четверть.

Парень был восхитительно рыж. Гораздо рыжее меня. Нос и щеки словно гречихой усыпаны. Кроме того, он был высок, костляв и нескладен. Совсем мальчишка. Я пожала плечами:

– Донесешь?

– Легко.

Сверкнула улыбка, он бросил свой сверток поверх рыбы. Снял веревку, заменяющую ему пояс, обвязал корзину.

– Пособи, – окликнул он продавца.

Тот вышел из-за прилавка, помог парню пристроить груз на спине. И что меня дернуло купить сразу целую корзину? Могла бы взять штуки три рыбины, на сегодня хватило бы.

Наверное.

– Куда, хозяйка?

Я огляделась, заслоняясь ладонью от солнца. Справа ры-

ночную площадь замыкала приземистая круглая башня с пристроенным к ней длинным двухэтажным зданием, похожим на казарму. Слева площадь немного повышалась, разворачивая пестрый цветник навесов. В дальнем ее конце, за чередой черепичных крыш, возносился в небеса серо-розовый монолит скалы. Взгляд карабкался выше, вдоль серо-розовых зубчатых стен, к вертикалям башен, чьи короны ласточкиными гнездами облепил фахверк, к заостренным, бронзового цвета кровлям, к ступеням выбеленных труб, к сверкающему лесу шпилей с выпелами и флюгерами.

Со вздохом я отвернулась от замка. Махнула рукой в направлении здания, похожего на казарму.

– Туда.

Парень решительно вклинился в толпу. Я поспешила за ним, и, чтобы не отстать, положила руку на край корзины. Суета и толкотня малость оглушали. Поверх рыжей макушки моего спутника я смотрела на приближающуюся приземистую башню. Наверное, склад какой-нибудь. Или тюрьма.

Не то чтобы город заметно изменился за время моего отсутствия... меняться тут особо нечему, эти дома вокруг, эти улицы и мостовые выглядят так, словно стояли здесь с начала времен. Просто память моя замылилась, затерлась, зашлифовала острые грани, стала похожа на матовое стеклышко, выброшенное морем на прибрежный песок.

Не удивительно. Та сторона затрет и зашлифует любую память. Вымоет, выскоблит добела, как старый пергамент, что-

бы расписать его заново своими собственными яркими красками. Новый текст, новая история. Новая память. Палимпсест.

Парень посвистывал сквозь зубы. Шагал он свободно, должно быть, груз не особенно его тяготил. Оглянулся.

– Слышь, барышня. Куда тебе столько рыбы? Солить?

– Нет.

– Тогда куда ее? Попортится ведь.

– Не попортится.

– Да попортится. К ночи попортится. Скиснет от жары.

– Сам не скисни. От любопытства.

– Ишь, зубастая барышня. Ты ей – слово, она тя – за нос!

Звиняй, конечно, барышня, не мое это дело...

– Не твое, точно.

Он заткнулся. Мы миновали башню и шли теперь бок о бок, хотя и на улице тоже творилась порядочная суета. Толпа сбивала меня с толку. Я совершенно отвыкла от сутолоки, от мешанины людей, повозок и лотков, от тесноты, от гомона и толкотни. На ходу я кое-как пыталась сообразить, не надела ли глупостей в городе. У меня хватило ума не совать продавцу на рынке древнюю золотую монету, а предварительно разменять ее у менялы, но и тот измучил меня вопросами. Так же стало ясно, что надо что-то делать с одеждой – в городе меня величали барышней, но поглядывали косо. Может, дело было не в одежде, а в отсутствии слуг и спутников, без которых настоящая барышня, если не знатная, то хотя

бы богатая, никогда из дома не выйдет.

Где-то поблизости взвизгнули трубы. Я завертела головой. Среди пешеходов возникла сдержанная паника, гуляющие прибавили шаг, уличные торговцы поспешно сворачивали свои лотки и короба, освобождая дорогу. Из-за поворота, ведущего к замку, нарастая, выкатился грохот.

– Осторожно! – Парень поймал меня за рукав и оттащил к стене.

– Эй, эй! Поберегись!

Мимо, сверху вниз, вспоров ветхий холст поредевшей толпы, пронеслась кавалькада – сверкающая комета с многоцветным хвостом. Флажки, султаны, плащи яркими крыльями – лазурные и алые, белые и золотые. Вспышки металла слились в слепящую рябь. Над головой зигзагом мелькнула занесенная плеть, заставив шархнуть запоздало.

И вспышкой проснулась память: белый конь – воздух и снег, пронизанный лунными лучами. Всадница, полускрытая волнами летящей гривы, в медлительном вихре шелковых одежд, переслоенных ветром, со струящимся флагом пепельно-серебряных волос, всадница в облаке легчайшего звона, не громче звона крови в ушах, ранящего сердце звона протянутых сквозь ночь волшебных струн, всадница, чей профиль проступает, как камей на исчерна-синем небе, точеный, точный, тающий...

Королева.

Таща за собой шлейф грохота и трубных вскриков, комета умчалась вниз по улице, в сторону реки.

– Что это было?

Парень взглянул на меня – и я невольно нахмурилась. Лицо у него было застывшее, нехорошее какое-то, даже веснушки выцвели. Замороженное лицо. Словно он только что глядел на пытки.

Он моргнул и сплюнул на землю. И обмахнулся большим пальцем, будто от нечистой силы.

– Эй, да что случилось?

– Да ниче, – буркнул он, поправляя корзину.

– Ничего? А что ж ты побелел весь?

Он пожал плечами.

– Получили бы плетью по загривку... Ладно, обошлось. Ну, двинули, что ли? Куда теперь?

– К воротам.

– К воротам так к воротам.

Он зашагал вниз по улице в ту же сторону, куда унеслась сверкающая комета.

– Благородные господа, – сказала я. – Из замка. Размахивают плетями. Топчут конями зазевавшихся.

Парень молчал.

– Кто это? – спросила я.

Он глянул искоса и опять не ответил. Я ощутила, каково это, когда тебе не отвечают на вопрос, и вроде бы на самый

невинный. Вон как я его отшила с этой рыбой. Сейчас он отыграется. Не ответит из чистой вредности.

Он еще помолчал, а потом сказал – очень доброжелательно сказал:

– Слышь, барышня, а ведь ты нездешняя.

– Нездешняя, – охотно согласилась я.

– Ага. – Он усмехнулся. – А я смекаю – выговор у тебя какой-то странный. Будто бы нашенький, а в тоже время будто бы и чужой. То ли простецкий, то ли благородственный... А что до господ из замка... Родная сестра это короля нашего Нарваро Найгерта, бутон, как говорится, благоухающий от дерева Моранов. На охоту изволят выехать, госпожа наша несравненная.

– Эгей, ты тоже по благородственному умеешь? А почему столько сарказма?

– Ты, барышня, ослышалась. Какой такой сарказм? Никакого сарказма, только трепет и преклонение. Мы люди маленькие, неученые, даже слова такого не знаем – сарказм...

Он поджал губы, словно останавливая сам себя. И я подумала – странный парень. Оборвыш городской за гроши корзинку мою тащит. На проехавшую мимо принцессу смотрит как на кровного врага.

Я пожалала плечами. Это меня не касалось. Хотя здесь явно было что-то не так. Да и насчет оборвыша я погорячилась. Парнишка был одет просто, но чистенько и добротню.

Некоторое время мы молча двигались путем родной сест-

ры короля Нарваро Найгерта и ее кавалькады. Улица пару раз плавно повернула и вывела нас на небольшую площадь перед воротами. Мальчишка остановился.

– Куда теперь?

– Дальше, туда, – я кивнула на ворота. – За город.

– Туда, сюда, – заворчал он. – Нет бы сразу сказать: мол, мне туда-то. Вот морочит голову: туда, сюда...

– Я заплачу.

Он неожиданно смутился:

– Ну, в общем, мне тоже туда же... я хотел сказать, нам, выходит, по дороге. Тебе куда, к реке?

– К реке.

– Хе! На ту сторону?

– Что? А... да. То есть... да.

– Хе! Пойдем. Я тебя перевезу. Видала наш паром? Мой батька им заправляет, а я ему помогаю. Вообще-то, у нас работник есть, Кайном зовут, силен, как бык, только с головой у него не все ладно. Они сейчас с батькой как раз в паре.

Мы вышли из ворот, удачно проскользнув между груженной телегой и фургоном бродячих актеров. Над дорогой всю клубилась пыль – день был в разгаре. Я, прикрыв глаза ладонью, взглянула на мутное небо. Жара.

Остро захотелось в тень, в гулкую сырость моего грота, а еще лучше – куда-нибудь в ветреные дюны, в песчаную ложбинку, под сосновые ветви, под растянутый на этих ветвях плащ...

На ту сторону...

– Слышь, барышня, в самом деле... Чего секретничаешь, страсть ведь как любопытно.

Помощник мой шагал по левую руку, против солнца, загораживая собой дорогу. Тень его укрывала меня почти целиком.

– Что тебе любопытно?

Я уже поняла, что он возвращается к прежнему разговору. Шут с ним, поговорим на любую тему.

– Да рыба эта... Я смекаю, ты же ее для кормежки небось купила. В смысле, зверье кормить. Только рыба уж больно хороша... не для зверей.

– Это смотря что за зверь.

– Ага! – Он весело покосился, задрал смешную выгоревшую бровь. – Значит, верно смекнул-то! Ничего соображалка у Кукушонка, а?

Я улыбнулась. Обаяние у мальчишки имелось. И характер, наверное, у него легкий, задорный, несмотря на странности. Хороший характер. Только болтун он порядочный.

– Так что за зверь, а? Ты говоришь – зверь, значит он один? Здоровенный, выходит, коли ему одному всю корзину. Здоровенный, правда?

Ишь ты, Кукушонок. Соображалка у тебя и впрямь ничего, даром, что рыжая и давно нечесаная.

– Да, большой. Большой зверь.

– Лев? Пардус? Или нет, какой-нибудь водяной, какой ры-

бу жрет, какой-нито... Кит? Черепах? Может, змей морской? Дракон?

Я споткнулась. Эй, Кукушонок! Что-то ты слишком здорово соображаешь.

– Я знаю. – Он тоже остановился, перехватил веревку, неловко отер рукавом взмокший лоб. – Дотумкал я. Ты у лорда Вигена Минора в загородной усадьбе... Недавно служишь, да? Там, сказывают, зверинец большой, и бочка там есть, говорят, огромная, с соленой водой, тварей морских держать, а в бочке окошечки хрустальные...

Я ничего не сказала. Зашагала дальше – дорога плавно поворачивала к реке. Над прибрежными кустами сверкнула широкая лента Нержеля. Противоположный берег, обрамленный синеватой каймой леса, едва угадывался в солнечном мареве.

Далеко-далеко на северо-западе, там, где река соединилась с морем, разлилось слепящее сияние. И на этом самом стыке в текучем жгущем свете парила призрачным замком Стеклянная Башня – мой маленький остров, высокий, узкий, почти прозрачный, почти невесомый, почти не существующий.

– Барышня, а барышня, ты расскажи про дракона-то... Ну расскажи, небось не тайна это, не секрет какой... Слышь, а может, покажешь его, а? Я тебе корзину задаром дотащу. Покажи дракона, барышня! Век благодарить буду, хочешь, всю работу переделаю, клетки почищу, воды натаскаю...

– Из моря?

Мы снова остановились. Кукушонок разволновался. Он шумно и часто дышал.

– Да хоть из моря... – голос его неожиданно ослаб.

– С чего ты взял, что это дракон?

– Ты ж сама сказала...

– Я не говорила этого.

Он заморгал.

– Тогда кто?

– Что – кто? Кто сказал? Ты сказал. Ты сам выдумал дракона, сам и сказал.

– Да не... Если не дракон, то кто?

Если не дракон, то кто? Амаргин называл его мантикором. Я никогда не видела мантикоров, но, кажется, они выглядят иначе. Но он и не дракон. Он точно не дракон. У драконов, даже бескрылых, нет лица, у них морда. А у мантикоров нет драконьего тела и чешуи. Хвост у мантикоров имеется – скорпионий, а не драконий, и на нем жало, а не пика. А вот рук – настоящих рук, с пальцами, с ладонями – нет ни у тех, ни у других.

– Не знаю, – призналась я. – Мне сказали, что это мантикор.

Кукушонок только охнул. Он поверил сразу и безоговорочно.

– Мантикор!

– Но это не мантикор.

– Не мантикор?

– Увы, нет. Он большой и страшный, весь в шипах, он лежит в воде, светится как гнилушка, воняет, жрет рыбу и все время спит.

– Он свирепый?

– Понятия не имею. Он не просыпается даже для того, чтобы поесть.

– Ты за ним ходишь? Кормишь, то-се?

– Да. Кормлю, то-се.

Я повернулась к спуску на паром. Парень, вздыхая, поплелся следом.

– Эх, да я понимаю... понимаю, что нельзя показывать редкого зверя каждому встречному-поперечному. Лорд Виген, я слышал, гневлив весьма, еще высечь велит, ежели чужого кого в доме своем застукает... А то вообще взашей вытолкает, в смысле, не только меня, но и тебя...

Не слушая кукушоночье нытье, я прибавила шагу. На берегу толклась толпа, человек в двадцать. Там же присутствовал порожний воз, пара лошадей, коза и собака. Широкий прямоугольник парома неспешно подбирался к дощатому причалу. Причал был длинный, и в дальнем его конце, у крытого дранкой сарайчика, покачивались в набегающей от парома волне две лодочки. Дом паромщика стоял чуть в стороне, на поросшем мелкой кудрявой травкой склоне.

Кукушонок, похоже, разочаровался в предполагаемой аванюре. Замолчал. Или сейчас его больше интересовало

происходящее на пароме.

На короткий причальный столб легла веревочная петля. Грузная посуда ткнулась тупым носом в доски, отошла от толчка, и через расширяющуюся щель на причал выпрыгнул полуголый мужчина в оборванных холщовых штанах. Другой мужчина, постарше и посуше, выволок сходни.

– Вон те лодочки, – я показала рукой. – Чьи?

– Та, что слева – моя, – хмуро отозвался Кукушонок. – На кой тебе она? Ты ж сказывала, к Минорам, на ту сторону...

– Отлив уже начался. По реке, потом обогнуть маяк... так будет быстрее.

– К Минорам? Да ты че, там потом по берегу мили полторы топать...

– Где твоя хваленая соображалка?

Парень поморгал, потер ладонью мокрое, пестрое от веснушек лицо. Волосы прилипли к загорелому лбу. На макушке они выцвели до соломенного золота, а глубже, у корней, были красновато-рыжие, как лисий мех. А глаза у него оказались карие, с желтыми лучиками вокруг зрачков. Когда в них попадало солнце, они вспыхивали янтарем.

– Его не в доме держат? – неуверенно предположил он. – То есть мантикора этого? Я смекаю, ему загончик сделали в скалах, чтобы вода всегда свежая и вообще...

Забавно, подумала я. Он сам себе отвечает, мне даже не надо особенно врать. Он отвечает именно так, как я бы сама ответила, будь у меня время хорошенько поразмыслить.

Да что там, его предположения гораздо убедительнее моих неловких отговорок, полуправды, что, как известно, хуже лжи. Хороший способ разговаривать с людьми. На любой вопрос отвечать: «А ты как думаешь?» или «Подумай сам, ты же умный человек», или «Догадайся с трех раз»...

По сходням на паром закатывали порожний воз – мужчина постарше придерживал волнующихся лошадей, а другой, в холщовых штанах, с голой коричневой спиной, налегал на задок плечом.

– Бать, а бать! – крикнул Кукушонок. – Помощь нужна? – Мельком глянул на меня. – Не слышат... – и заголосил, перекрывая шум толпы: – Ба-ать! А ба-ать! Вам помо-очь?

Люди на причале заоборачивались. Залаяла собака. Мужчина, заводивший лошадей, посмотрел на нас из-под руки, потом ответил что-то неслышное.

– А? Чего?

Мужчина отмахнулся – мол, отстань. И прикрикнул на полуголого, который, позабыв про возок, пялил глаза, будто увидел невесть что. У полуголого было лицо идиота, наполовину спрятанное в клокастой гриве цвета пожухшей травы, со скошенным лбом, с вывернутыми ноздрями, с мокрым распущенным ртом. Глазами он прикипел ко мне, и все бы ничего – глазеет дурак на девицу, и пусть его глазеет, может, понравилась ему девица, – если бы не нарастающий страх в тех глазах.

Страх.

Страх, тот, что переходит из кошмарного сновидения в реальность, когда вдруг просыпаешься в кромешной тьме, с колотящимся сердцем, с абсолютной уверенностью в том, что кто-то стоит над твоим изголовьем с занесенным ножом, и сейчас... вот сейчас...

Паромщик гаркнул на идиота, тот заморгал и отвернулся. Напряжение спало так резко, что я пошатнулась.

– Никак барышня перепугалась? Не бойсь, Кайн у нас мухи не обидит, хоть и страшон как смертный грех. Он словно дите малое, умишка у него годков на пять – на шесть. Зато силища великанская.

– Пойдем скорее, – буркнула я. – Мне надо торопиться.

Одна из лодочек оказалась совсем маленькой плоскодонкой, вторая же – настоящей лодкой, с килем, со складной мачтой и парусом, уложенным вдоль днища. Кукушонок помог мне спуститься в нее и установить корзину, предварительно забрав свой сверток.

– Обожди чуток, барышня. Сейчас весла принесу.

Он направился к крытому дранкой сарайчику.

А когда он вернулся, легкая плоскодонка уже покачивалась ярдах в семи от причала, мою же лодочку оттащило течением еще дальше. И расстояние быстро увеличивалось. Я нашарила в кошеле золотую монету и кинула ее на причал.

– Дура! – заорал Кукушонок. – Дура чокнутая! На камни налетишь! Зачем? Ну зачем?

Он со стуком швырнул весла на причал, не обратив ни

малейшего внимания на блестящий кругляш. Рывком содрал распоясанную рубаху – и бросился в воду, взметнув фонтан брызг.

Поднятая им волна добежала до лодки и оттолкнула ее от берега еще на добрые пол-ярда. У меня саднило палец: ноготь неудачно обломился у самого корня, когда я раздергивала веревку. Я сунула палец в рот.

Голова Кукушонка вынырнула на поверхность.

– Стой! – крикнул он, отплеываясь. – Да стой же! Дура! Я бы тебя довез! Куда хочешь довез бы!..

Он греб в мою сторону, плюясь и ругаясь. Загремели доски – по причалу бежали люди. Впереди всех, отчаянно гавкая, неслась собака. Полуголый идиот отставал от нее всего на пару шагов.

Я перелезла через сложенный парус на корму, к рулю. Лодочка с обманчивой неспешностью развернулась. Беспокоиться мне было не о чем – уже начался отлив, и река освободилась.

Лодку очень быстро тащило на стремнину. Поднялся ветер – свежий ветер простора, что никогда не подлетает к берегам, потому что не любит берегов. И человеческих голосов он тоже не любит, он комкает их, рвет в клочья и выкидывает обратно на человеческую обжитую землю. Я видела, как Кукушоночь голова разевает рот, как люди на причале потрясают кулаками и тоже разевают рты, как возбужденно прыгает у них под ногами собака, но ветер решительно выметал

все звуки, словно мусор, на берег. Оставался только чаячий крик да негромкий плеск воды.

Будто мокрая ладонь приветливо похлопывает по мокрому плечу.

Амаргин

Последняя нота – звянящее фа – повисла в воздухе. Я от-

няла свирельку от губ, а звук дрожащим мерцающим сгустком висел на уровне моих глаз и не желал растворяться. Я почти видела его – стеклянистый комочек, вибрирующий от напряжения, лягушачья икра, рой прозрачных пчел за мгновение до взлета, множаций внутри себя эхо уже отзвучавших нот, а последним фа, как щупальцем, обшаривающий пространство.

Нащупал. Нащупал скальную стенку, блекло-пурпурный гранит, шершавый, бороздчатый, в серых известковых потеках. Тонким волосом вполз в невидимую трещинку. Закрепился. И ошалевшие от неожиданной свободы стеклянные пчелы рванулись по открывшемуся каналу – что им какой-то камень!

Поверхность скалы заморщила, истекая песчаными струйками, стала сминаться как бумага, как фольга, с сипящим, царапающим шорохом, от которого зашевелились волосы, а потом лопнула. Трещина рывком раздвинулась, выплескивая чернильную тьму, и по граниту вверх и вниз побежала косая неровная дыра. Я поспешно втокнула в щель корзину с уже почищенной рыбой и шагнула сама, стараясь не коснуться острых рваных краев. Почти сразу дыра захлопнулась, каменная плоть содрогнулась, и все затихло.

Я прислонилась к стене и вздохнула поглубже. Там, снаружи, изнывал от зноя августовский день, а здесь было темно и прохладно.

На самом деле не слишком темно. Солнечный луч широ-

ким тонким занавесом падал на обмелевший пляж, и на песке, вперемешку с мелкой галькой и ракушками, россыпью сверкало золото. Сумеречный воздух трепетал от бликов.

Воды было совсем немного, она вся ушла к северной стене. Я выбрала из корзины несколько разделанных рыб (полдня убила, чтобы почистить всю эту гору), положила в деревянную плоску, специально усовершенствованную Амаргином для кормления чудовища. Плоска у него была хитрая, на веревочке, ее можно было привязывать к поясу или к запястью и ставить на воду. Правда, я не собиралась входить к мантикору во время прилива, и Амаргиновы ухищрения были для меня бесполезны. Просто плоска досталась мне по наследству.

Скинув туфли, я постояла немного на нагретых солнцем монетах, оттягивая неизбежное. Я всегда тяну, если предстоит что-то неприятное или болезненное, хотя и знаю, как это нехорошо. И дело было не в чудовище, о нет, совсем не в нем. Напротив, если бы не он, мой безмолвный подопечный, никакая сила не заставила бы меня войти в малый грот, в его узилище.

Немного боязно. Позавчера Амаргин хлопнул меня по плечу и оставил одну: «Ты справишься. Через недельку зайду проведать, как у вас дела. Что? Рыба кончается? Не беда, купишь в городе. Она прекрасно хранится в мертвой воде».

Последовал небольшой спор по поводу моих путешествий в город. Стеклянная Башня стоит почти на самом стыке реки

и моря, на две трети удаленная от левого берега, а от правого – только на треть. Корабли, которые выходят в море, обгибают остров слева, с правой же стороны река не судоходна – все дно до берега усеяно камнями. Амаргин пытался научить меня переходить на берег по этим камням, но я так и не научилась.

Вчера я к мантикору не заходила, а остатки рыбы доела сама. Сегодня утром, взяв из россыпей несколько монет, отправилась в Амалеру за покупками. Я была вынуждена переплыть ту часть реки, которая отделяла остров от берега. Оттягивала этот момент, сколько могла, но пришлось наконец решаться. Я неплохо плаваю, хотя, честно говоря, побаиваюсь воды. А сейчас мне предстоит цирковой аттракцион без страховки. Смертельный номер, алле!..

Шагнула вперед и снова остановилась, шаркая подошвой по теплomu золоту. Духу не хватает. Ковырнув большим пальцем, поддела великанских размеров перстень с рубином. Рядом лежала скромная полосатая галечка, а чуть дальше – обрывок бронзовой ленты от оковки развалившегося сундука. Глубже, на обмелевшем дне, куда солнце не попадало, золота было больше, но в тени оно почти не блестело.

Хватит топтаться! Ты-то в городе пирожков нахваталась, а мантикор два дня не кормленный! Подоткнув подол, я спустилась по мокрому песку к воде. Вода была прохладная – с юга подземное озерко питает пресный Нержель. Осторожно ступила в воду, ощущая сильный напор течения. Поверх

пальцев тут же начало намывать песок и мелкую гальку.

С каждым шагом вглубь грота воздух вокруг темнел и наливался зябкой сыростью. Потолок прогнулся, провис тяжелыми известковыми фестонами, порос белесой каменной породой. Едва различимую в сумраке северную стену загромождали булыжники и обломки скал. Еще шаг – и течение ослабло, а под ним возник и лизнул стопы еще очень тонкий ледяной слой.

Я повернула налево, огибая оплывший, как свеча, оплетенный корнями сталактитов скалистый островок. Камни заслонили последние остатки света, а впереди открылось пространство, задернутое тьмой, словно портьерой.

Тут необходимо было немного постоять. Собраться с мыслями. Проморгаться, приручая глаза к крошечному, облепляющему лицо мраку. Подготовить ноги к режущему прикосновению родниковой воды, температура которой гораздо ниже точки замерзания, воды, рожденной в безднах Полночи. Надышаться впрок, потому что там, впереди, воздух был испорчен маслянистой тяжелой неживой темнотою, так, что казалось – когда выберешься на свет (если выберешься), то еще долго будешь откашливаться и отхаркиваться черными страшными сгустками.

Запихнуть за пазуху рыбу вместе с миской – чтобы не выпала случайно из рук. Досчитать до десяти. Потом еще до десяти. И решиться, наконец.

И шагнуть. И еще раз шагнуть, и еще, и еще, и побежать

со всех ног, со всех своих мгновенно изрезанных ледяными бритвами ног к тускло светящейся зеленоватым фосфорным светом, повисшей на натянутых цепях фантастической фигуре.

Меньше недели назад, когда Амаргин в первый раз привел меня сюда, я не смогла войти. Был прилив, вода здесь стояла по грудь – обычная морская вода, лишь на четверть смешанная с мертвой – но я не выдержала и мгновения. Вырвала руку и сбегала на теплый, засыпанный золотыми монетами берег, и рыдала там, как дитя малое, до вечера.

Вечером, когда вода сошла, Амаргин повел меня сюда снова. Мертвая вода была пронизана зеленым свечением, она светилась сама, но не освещала ничего вокруг. Спящий мантикор, облитый тающим подземным светом, казался прозрачным – стеклянным или ледяным. Амаргин сказал: ладно, попробуй быстро перебежать озеро и заберись мантикору на лапы. Они сейчас выше уровня воды.

Сам Амаргин ходил по мертвой воде, как по обычной, словно был заговорен от Полуночного холода. А может, и заговорен, кто его знает. Меня заговаривать он не собирался.

С того момента я уже немного натренировалась, правда, под Амаргиновым наблюдением. Сцепив зубы, бегом пересекла мелкую воду (каждый шаг – вспышка боли, пронизывающий удар в сердце, тошнотворный спазм), думая только о том, чтобы не грохнуться в ледяную отраву и не остаться в ней навсегда.

И опять последние несколько ярдов превратились в мили, ноги вдруг утратили чувствительность, и мне почудилось – я лечу, плыву, падаю сквозь толщу воды, и воздуха нет, и легкие выворачиваются наизнанку, а зеленоватое, сияющее, расплывшееся от слез пятно – это солнце, там, над поверхностью реки, в другом мире, из которого меня только что изгнали...

Плача и трясясь, я взобралась на вытянутые мантикорovy лапы, как на мостки. И повисла у него на шее, потому что ноги меня не держали. И прижалась покрепче, потому что он был ощутимо теплым, невозможно теплым в этой вымерзшей тьме. И попыталась отдышаться, зевая и кашляя от недостатка воздуха.

Холера, почему же я никак к этому не привыкну? Ведь почти неделя прошла с тех пор, как я... с тех пор, как меня... Ну да, наверное, я развежилась, разленилась в волшебном краю, где вечер сменяет утро, а утро переходит в ночь; где расцветающее дерево гнется под грузом плодов и золотая листва кружится в воздухе вместе с лепестками цветов. Где снег сладок, как сахарная вата, а дождь горяч, как кровь... где букет в вазе никогда не увядает, где его можно вынуть из вазы и посадить в землю, и он обязательно, непременно превратится в цветущий куст прямо у тебя на глазах... и, отряхивая руки от земли, ты оглянешься и увидишь: Ирис стоит у тебя за спиной, щурит длинные глаза и улыбается – улыбается тебе, и воткнутому в землю букету, и всему этому

чародейному, невероятному, невозможному миру...

Холера!

Я пошевелилась и почувствовала, как саднит оцарапанную щеку. Волосы мантикора слиплись в длинные тонкие лезвия, рассекающие кожу при одном легком касании. Боль от царапин была едва ощутимой, и даже приятной – здесь, посреди мертвого озера, в высасывающей тепло тьме – эта боль напоминала мне, что я еще жива.

Здравствуй, Дракон. Здравствуй, пленник. Это я, твоя тюремщица. Как прошел день?

Все так же, ответила я сама себе. Все так же, как и вчера, и позавчера, и сто, и двести лет назад. И еще черт знает сколько лет. Потому что черт знает сколько лет он спит здесь, в мертвом озере, распятый на цепях за черт знает какие преступления.

Амаргин, скорее всего, знает. Конечно же, знает Королева. Но объяснить мне это они не потрудились. Как и ненаглядный мой Ирис не потрудился объяснить, почему, собственно, он отказался от меня.

За что он так со мной?

Самый глупый вопрос на свете – это вопрос «за что?» Я повертела в голове сию мысль, не сказать чтобы оригинальную, но на ум мне прежде не приходившую. Эта мысль больше подходила Амаргину, чем мне. С как раз свойственной ему долей насмешки и горечи.

Выпрямилась, держась за мантикоровы плечи, и попыта-

лась наконец справиться с дыханием. Воздух, маслянистый и тяжелый, холодный, как ртуть, проваливался в легкие, но не насыщал их. За порогом сознания поскребся в двери страх, вроде бы давно изжитый и укрощенный страх задохнуться. «Это глупые выверты полустертой памяти, – сказала я себе. – Не паникуй. Посмотри на Дракона. Он пропасть лет дышит этой мерзостью, и ничего. Живой».

Только между двумя ударами его сердца можно досчитать до ста.

Через плечо чудовища я видела бледно светящуюся драконью спину и полого, мирно лежащий на ней гребень из острейших шипов, и каждый из шипов напоминал новорожденный полумесяц. Хвост уходил во мрак словно отмель, словно намытая рекой песчаная коса, густо усаженная все теми же стеклисто поблескивающими шипами. Грузное драконье тело лежало на брюхе, далеко вытянув вперед передние лапы. Человечья же часть беспомощно висела в воздухе (вернее, в том, что заменяло здесь воздух). Голова его свешивалась на грудь между растянутых крестом рук.

От него пахло. Я ощущала этот запах вместе со слабым теплом, вместе с редким биением пульса, запах, которого и быть не должно там, где нечем дышать. Едкий, проникающий змеиный запах, вонь сырой ржавчины, железный запах крови. Смерд, что насмерть перепугал бы меня там, снаружи, здесь оказался необходим, как и боль от порезов. Ниточка, что удерживала уплывающее сознание.

Я пошарила за пазухой. Кое-как, цепляя за ворот, вытащила плоску; все рыбины вывалились из нее, я не растеряла их только благодаря поясу, перехватывающему платье. Плоску я поставила на мантикорово широкое плечо. Рыбу, после долгих поисков в недрах платья, выудила и положила в плоску.

И опять была вынуждена привалиться к чудовищу, недвижимому, неколебимому, как памятник самому себе, въехав головой в шуршащий каскад лезвий-волос, потому что фосфорная зелень в глазах у меня окрасилась чернотой и пурпуром, а в висках нещадно заломило.

Амаргин, где ты? Я сейчас потеряю сознание, Амаргин, грохнусь в воду и больше не выплыву. Я не могу к этому привыкнуть, Амаргин, здесь нельзя жить, здесь нельзя существовать, это бесконечно растянутое умирание, а ты хочешь, чтобы я, умирая, занималась еще чем-то посторонним...

По скуле к краю рта щекотно поползла капелька – я слизнула ее, мгновенно остывшую. Вкус крови – как пощечина.

Так. Встать. Выпрямиться. Открыть глаза. Прекратить страдать, а делать то, зачем пришла.

Ну что, Дракон, сокровище мое, будем обедать?

Я взяла рыбину из миски, оторвала длинную полоску белого мяса. Свободной рукой приподняла тяжелую мантикорову голову. У чудовища было человечесье лицо. Нет, вру, у него было лицо обитателя Сумерек, лицо существа сверхъестественного – узкое, жесткое, очень точно, очень тщательно-

но прорисованное. Ни единой невнятной, смазанной или грубой линии. И все черты словно бы немного чрезмерны – закрытые глаза огромны и раскосы, брови необычайно длинные, будто подведены сурьмой, нос слишком узок, рот явно велик, но ошеломляюще красив, а высоким скулам позавидовала бы аристократка дареной крови.

Когда я увидела его впервые, я подумала, что он фолари, но Амаргин усмехнулся и покачал головой. «Он единственный в своем роде, – сказал Амаргин. – Таких больше нет нигде.

А кто он – узнаешь, если захочешь. Только хоти посильнее».

И засмеялся. Амаргин все время надо мной смеется.

Шут с ним, пусть смеется. Я все равно узнаю.

Ну ешь же, ешь, солнышко, сокровище хвостатое. Открывай рот, такой вкусный кусочек, специально для тебя.

Губы мантикора разомкнулись, позволяя мне протолкнуть кусок мимо острых, очень острых, никак не человеческих, а вполне себе драконьих зубов. Он сглотнул, на мгновение оскалившись, а я поспешно оторвала еще несколько кусков и запихнула ему в пасть. Ну глотай же, дружок, глотай!

Однако везение закончилось – голова его бессильно откинулась, обратив к потолку разинутый рот, полный белого мяса. Я выбросила полуободранный скелетик, схватила мантикора за виски, потрясла, глупо надеясь, что рыба сама провалится внутрь... Бесполезно. Все равно что пытаться накор-

мить труп.

А ну-ка, не суетись. Разволнуешься, задохнешься, грохнешься в озеро. И не выплывешь. Отсюда – не выплывешь.

В конце концов он проглотит все эти куски. Глотание с сознанием никак не связано, надо просто заставить его работать. В смысле – глотание, конечно. Вернуть сознание мантикору я, увы, не в силах. Если бы могла – вернула, не задумываясь. Даже вопреки воле Королевы. Я сейчас у себя дома, в серединном мире, и Королева мне не указ.

А мантикор... мантикору необходимо влить в рот воды, тогда он вынужден будет сглотнуть. А для этого надо... для этого надо...

Я снова отправила рыбу за пазуху, освобождая плоску. Надеюсь, мертвая вода не причинит вреда мантикорову желудку. Она ведь не ядовитая, она только очень холодная, невозможно холодная... Теперь – присесть на корточки, придерживаясь за мантикоров скользкий бок, погрузить плоску и зачерпнуть... зачерпнуть...

А-а-а-у! Ожог! Вверх по руке летит шокирующий разряд, сгусток искр, проломивший тонкую скорлупу сердца. Непроизвольный взмах обожженной рукой – и надежный, как упавшее в воду дерево, мантикорский торс зеленым всполохом отшатывается прочь, а из-под непроглядного свода прямо мне в лицо кувырком летит тьма.

Спину продирает немилосердной болью, в одно мгновение – кожа пузырями; едкая щелочь прожигает до костей, до

позвоночника; позвоночник крошится и переламывается... и теперь уже все равно, что вода, плеснув из-за плеч, капканом перехватывает грудь; и грудная клетка, как подтаявший сугроб, проваливается сама в себя, а на лицо с размаху шлепает ледяная лапа и стискивает, комкает, сминая, превращая глаза и губы в липкий комок, в затоптанную в грязь ветошь...

* * *

Амаргин говорит, что времени на самом деле нет. Как на самом деле нет расстояний – ни длины, ни широты, ни высоты. Он говорит, что это всего лишь понятия, условные обозначения, буквы в алфавите, описывающем мир.

Пытаясь осмыслить реальность, люди описывают себе, что видят, и объясняют, как могут. И считают свои объяснения чистой правдой. Но это правда только для части людей, для деревни, города, страны. Для людей, которые живут подальше, для найлов-северян, например, правда уже другая. А для андаланцев правда третья. А для людей из-за Алого моря, из Полуденных земель – вообще двадцать четвертая.

И это только люди и их правды! Что уж говорить о фолари, об обитателях Сумерек, о марах из Полночи?

Везде правды разные.

Но есть ли правда единая для всех? Та самая, настоящая, истинная? «Объективная реальность», как называет ее Амаргин.

Он говорит, что есть. Умозрительно. Однако наших чело-

вечьих мозгов на нее не хватает. Вернее, не хватает «диапазона восприятия», это такая как бы шкала, из которой мы можем наблюдать только часть. Например, он говорит, что есть звуки, которые мы не слышим, и цвета, которые мы не видим. Мол, кошки видят в темноте поэтому. Потому, что у них «диапазон восприятия» сдвинут. В темноте видят, а цвета воспринимают иначе, солнце, говорит, для них не желтое, а зеленоватое.

И, подозреваю, Амаргин не сочиняет. Был у него наверняка такой опыт – поглядеть на мир кошачьими глазами.

Каждое живое существо, говорит Амаргин, вынуждено объяснять себе окружающий мир – просто для того, чтобы выжить. Знание некоторых правил позволяет играть в игру под названием «жизнь» с большим успехом, чем полное их незнание.

Но вот возьмем бабочку-однодневку – какими правилами она располагает?

Бабочка точно знает, что есть солнце, которое медленно-медленно, весь век, ползет по небу, и когда оно коснется горизонта, наступит конец света.

Бабочка знает, что мир состоит из травы и цветов, речки и нескольких деревьев.

Бабочка знает, что воздух полон ужасных опасностей, свирепых хищников – птиц, которые ловят и пожирают зазевавшихся бабочек.

Так же небо может нахмуриться, и пойдет дождь, от кото-

рого надо прятаться под листом. Соседки стрекозы болтают, что в мире существуют невозможные чудеса в виде кошмарных гигантских монстров о двух или четырех ногах, совсем без крыльев, издающих ужасные звуки. Этих монстров иногда можно видеть на той стороне реки. Но, на самом деле, это враки, потому что ни одна из бабочек-однодневок их не видела, а стрекозам кто же верит?

Вот, собственно, и все, не правда ли, Лесс? Всего перечисленного достаточно для счастливой жизни бабочки-однодневки, но насколько это описание соответствует реальности?

– Но нельзя сказать, что не соответствует вообще, – пробурчала я недовольно. – Соответствует, но малой частью.

Амаргин усмехнулся:

– Для тебя – малая часть, а для меня – исчезающее малая. Но самое забавное, что этот крохотный набор бабочкиных правил позволяет бабочкам существовать в свое удовольствие. Поэтому бабочки уверены: мир именно таков, каким они его видят. Это бабочкина правда. Но мы-то знаем, что дело обстоит совершенно не так. Для стрекозы, которая живет чуть дольше, правила усложняются. Для птицы правил столько, что и за неделю не перечислишь. Человек расширяет свой диапазон всю жизнь. Способность читать и писать разрешает ему использовать опыт поколений. Но почему человек считает, что его картина мира есть безусловная истина? Чем он лучше бабочки с точки зрения природы?

– С точки зрения Творца – лучше, – сказала я. – Это тебе любой священник скажет. Еще он скажет, что ты городишь ересь.

– Священник – такой же человек, как и все остальные. Он отродясь не знал иной картины мира, кроме той, которую используют его соплеменники. Эта картина удобна и уютна, она все объясняет, она позволяет безбедно существовать в своих рамках, но, повторяю, она не соответствует истине. Ну, ладно, если ты так хочешь – соответствует, но такой малой частью, что о ней и упоминать смешно.

– Ты так говоришь, будто сам знаешь эту истину.

– Нет, конечно, – легко пожал плечами Амаргин. – Никто не знает, и я не знаю. Но правила подтверждаются опытом, а мой опыт позволил мне обнаружить несколько правил, не входящих в диапазон общего пользования. Поэтому я смею судить, что известная людям картина мира ошибочна и односторонна.

– То есть ты считаешь людей ничем не лучше бабочек-однодневок?

– Совершенно верно. – Амаргин потянулся к огню и помешал палочкой в котелке. – Обратное тоже работает: я считаю бабочек ничуть не хуже людей. Потом, ты забываешь, я ведь тоже человек, так что я и себя считаю равным бабочке. То есть если мир лишится меня, Геро Экеля, более известного как Амаргин, то трагедия будет равна гибели навозной мухи, прихлопнутой коровьим хвостом.

Я фыркнула:

– Что-то ты не рвешься спасать навозных мух, слепней и прочую пакость от неминуемой смерти.

– Не понял сарказма. Что заставило тебя предположить, что я занимаюсь спасением людей?

Действительно, с чего я это взяла? Я потеряла переносицу. По подбородку мазнул мокрый рукав, весь облепленный песком. Тьфу, гадость какая!

Я рывком села, с недоумением оглядывая сырое измятое платье. И руки, и босые ноги, высывающиеся из-под подола, были словно не мои – распухшие, выбеленные водой до синевы. За пазухой ощущалось некоторое неудобство. Я пошарила там и обнаружила недоеденный мантикоров обед – две рыбешки прилипли к животу, одна забилась под мышку.

– А! – обрадовался Амаргин. – Это кстати. Давай их сюда.

– Ты непоследователен, – объявила я. – Ты вытащил человека, то есть меня, из мертвого озера. После этого ты утверждаешь, что не занимаешься спасением людей.

Он пожал закутанными в черный плащ плечами:

– Мои утверждения так же субъективны, как и любые другие утверждения. Ты имеешь право доверять им, а имеешь право не доверять. Истиной они не являются в любом случае.

– Последнее высказывание тоже субъективно.

– Ага. Правильно мыслишь. Может, когда-нибудь из тебя выйдет толк.

Повозившись на нагретых солнцем, слежавшихся за века сокровищах, я кое-как поднялась на ноги и отряхнулась. Песок мгновенно ссыпался с платья, складки расправились. Амаргин искоса поглядел на меня и хмыкнул.

Я подошла поближе. Заглянула в котелок. Вернее, это был не котелок, а большая чаша-кратер с ручками в виде прыгающих львов, установленная прямо на угли. Чаша была явно выкопана Амаргином из кучи драгоценного барахла, но снаружи она уже закоптилась, а внутри всюду бурлило варево, мелькали какие-то куски, сверху плавала пена.

– Что там у тебя? Есть хочу смертельно.

– Не удивительно. Рыба осточертела, наверное?

– Я бы сейчас и рыбы целый воз съела... Слушай... – Меня вдруг пронизало догадкой. – Ты... когда... когда меня нашел?

В черных Амаргиновых глазах проскочила искра. Нарочито медленно он встал, отошел к стене, где была свалена куча плавня, выбрал несколько окатанных водой досок, вернулся и аккуратно подсунул их в костер. Потом сказал, явно провоцируя мой страх:

– Сегодня.

– А... какой сегодня день?

– Новолуние, разгар звездных дождей. Люди из города думают, что сегодня суббота, день Поминовения.

– Холера черная!

Я тяжело плюхнулась на кучу золотых монет. Амаргин

усмехнулся:

– Ну-ну. Столько пафоса. Ты бы еще сказала: «Лопнуть мне на этом месте, если не прошло четыре дня!»

– Так... провалиться мне, если не прошло!.. И не фыркай, пожалуйста. Мне надо как-то... осознать это, что ли... Черт! Я ведь, по правде, утонула в этом проклятом озере!

Черпая дым широкими рукавами, Амаргин нагнулся через костер и крепко взял меня за плечи.

– Хватит переживать. Ты упала в воду, я тебя вытащил, какого рожна тебе еще надо?

Я шмыгала носом.

– И ведь тебе тонуть не впервой, разве нет? – продолжал волшебник. – Не принимай эту историю так близко к сердцу. Вытащили тебя – радуйся.

– Радуюсь изо всех сил, – я уныло вздохнула. – Ты сейчас сгоришь.

– Не сгорю. Давай, подбирай губу и прекращай хлюпать. Быть серьезным – значит считать себя слишком важной величиной, чрезвычайно ценной для мироздания, а наша с тобой ценность – вещь более чем сомнительная. Или ты другого мнения?

– Да нет, собственно... Хотя, сказать по правде, очень хочется быть ценным и незаменимым. Хоть для кого-то.

– Для кого-то? Заведи себе блоху. Здесь, кроме тебя, никого нет, будешь самой ценной и незаменимой. Возлюбите друг друга, но берегись, век блохи короток. Ибо мироздание

вряд ли заинтересуют ваши душераздирающие страсти.

Я, неожиданно для себя, разозлилась:

– А мне плевать на мироздание!

– Не выйдет. – Амаргин воровато оглянулся, нагнулся еще ниже и шепнул: – С ним приходится считаться, с этим мирозданием. Точно тебе говорю. Поверь мне, как более опытному. Оно слишком большое, и характер у него сволочной. Эдакая здоровенная волосатая задница, которая висит у тебя над головой и никуда не девается.

Он выпрямился, строго поглядел на меня, задрал бровь, и подытожил:

– Угу. Никуда она не девается.

– Отстань, Амаргин, – взмолилась я. – Я есть хочу, а ты меня баснями кормишь.

– Это можно совмещать, – жизнерадостно заявил он, закатал широкие рукава, бесстрашно ухватил чашу голыми руками и вытащил ее из костра. – А что у нас с ложками?

Я глядела, как бледные длиннопалые руки ворочают раскаленную чашу, величиной с небольшой тазик, полную крутого кипятка, и размышляла: эта демонстрация необыкновенных способностей, способностей мага – аргумент в споре или просто хлопоты по хозяйству, которым этот невозможный человек не придает особого значения? С Амаргином никогда не знаешь, что он на самом деле имеет в виду.

– Ложек нет. – Сбитая с толку этим представлением, я укунула палец в похлебку, обожглась. – Уй! – и сунула палец в

рот. – В кладях ложки не предусмотрены. Зато полно острого оружия, всяких там кинжалов, стилетов и ритуальных ножей.

– Ты же была в городе, – недовольно поморщился маг. – Купила бы себе ложку, миску нормальную... Одеяло, между прочим, теплое. Август за середину перевалил, скоро осень. А тебе тут жить. Что головой качаешь? У тебя другие планы? Ладно уж, горе мое, держи. – Он достал из-за голенища грубо вырезанную деревянную ложку. – Одалживаю, не насовсем.

– У меня пока никаких планов. Я вообще не очень понимаю, на каком свете нахожусь.

А похлебка оказалась крайне вкусной. Кроме рыбы, там плавали бобы, лук, морковка, кусочки колбасы. Она была горячей, душистой, соленой (в отсутствие Амаргина я жарила рыбу на прутиках, а вместо соли посыпала пеплом) и ее было много. И я не могла оторваться, пока не слопала почти половину, и только тогда сыто вздохнула.

– Чертов мантикор почти ничего не ест. – Я облизала ложку и вернула ее хозяину. – Ты хоть покормил его за эти четыре дня, пока я валялась в озере?

Амаргин кивнул, задумчиво вылавливая из супа куски покрупнее.

– Почему он у тебя глотает эту чертову рыбу, а у меня нет? Амаргин пожал плечами, не отрываясь от трапезы.

– И к воде этой мертвой не могу привыкнуть. Не могу! Кажется, наоборот – с каждым разом все хуже и хуже. Теперь

вот вообще в озеро свалилась...

Он недовольно посмотрел на меня:

– Ты хочешь отказаться? Тебе трудно управляться с мантикором? Так и скажи. Я найду еще кого-нибудь в сторожа, не так уж это и сложно. Только свирельку придется у тебя забрать.

– Да нет, я же не об этом... Я просто жалею, мне трудно.

– Смотри. Мне героизм не нужен. Здесь не героизм требуется, а обыкновенная работа зрителя зверинца. Ну, в несколько критических условиях.

– Да я справлюсь...

– Можешь взять золота, сколько унесешь. – Амаргин широким жестом указал на сокровища. – Перебирайся в город, купи там себе дом, заведи прислугу. Придумай легенду потрогательней, потаинственней, мол, ты – вынужденная скрываться дочь благородного семейства... из Ютта или Этарна... На noblesку ты не тянешь, конечно. Хотя за байстрючку сойдешь. Ну, сама что-нибудь придумай! А дальше просто держи марку, глядишь, посватается к тебе нестарый купчик или чин из городской управы. А то и кто-нибудь из местных безденежных лорденышей...

Я не знала, всерьез ли говорит Амаргин или просто подначивает меня, но слова его ранили. Обдирали слух до кровавых ссадин, поворачивали в груди зазубренный гарпун – туда-сюда... туда-сюда...

Гарпун, который всадила мне в сердце Королева:

– Ты не можешь здесь дольше оставаться, девочка. Я должна отправить тебя в срединный мир. Сейчас же. Ирис взял свое поручительство обратно, и я очень этим довольна. Ты знаешь почему. И я не обязана отвечать на твои вопросы. Где? Я отослала его по важному делу и не собираюсь призывать обратно ради тебя. Нет, ты не можешь попрощаться. Что? Нет, я не могу ничего ему передать. И не надо за меня цепляться, ты помнешь мне платье. Амаргин! Выведи ее.

Забуренный крючок, на который меня поймала та сторона. Светлое безвременье. Сиреневые Сумерки.

– Ну как, – подтолкнул Амаргин. – Решила что-нибудь? Ты не стесняйся, я же понимаю, как это тяжело. И если ты думаешь, что должна ухаживать за чудовищем в благодарность мне, то выкинь эти глупости из головы. Если хочешь уйти, то и тянуть нечего. Давай свирель и пойдем, я провожу тебя до Амалеры.

Он протянул ладонь над чашей с супом. Я непроизвольно отшатнулась, коснувшись висящего на поясе кошель, где хранилась единственная дорогая мне вещица.

– Почему это я должна отдавать ее тебе? Не ты мне ее дарил, не тебе и требовать обратно.

– Зря злишься, – он пожал плечами. – Это ключ, который открывает двери тайного грота. Если здесь будет другой страж, я должен отдать свирельку ему. Я бы и дальше тут сидел, да у меня теперь времени нет за мантикором приглядывать. Так что, раз не ты – значит, другой.

– Здесь не будет другого стража. Свирелька – моя.

Моя свирелька, моя! Единственное, что мне осталось от Ириса. Ее он баюкал в ладонях, ее целовал, шепча заклинания в крохотные золотые губы. Ее узорный сверкающий стельбелль наполнял своим дыханием, принуждая певучим криком ломать стены и раздвигать скалы. Ее, восьмидюймовую волшебную палочку, обломок лунного луча, золотое горлышко жар-птицы, ее он подарил мне.

– Не забывай меня, Лессандир. Дай-ка ладошку... Видишь? Да, это тебе. Она умеет петь. Она открывает запертое. Она развеселит и поможет. Она твоя.

Она – моя!

– Амаргин...

– Хм?

Он жевал без особого аппетита, поглядывая на меня сквозь поднимающийся от варева пар.

– Амаргин. Ты видел... его?

– Кого?

Он прекрасно знал, о ком я спрашиваю. Но все равно небрежно переспросил: кого? То ли ему и в самом деле было все равно, то ли он показывал, что все эти мои страдания не стоят и выеденного яйца.

– Ириса.

– А! Босоножку... видел мельком.

– Он... что-нибудь передал мне?

– Нет. Ничего не передавал. – Маг пошуровал ложкой

в супе, поскреб пригоревшее на дне. – Если ему вздумается что-нибудь передать, я тебе тотчас скажу. А пока ему не вздумалось, передавать нечего.

Я опустила глаза. Равнодушие. Хуже не придумаешь. Хотите разбить кому-нибудь сердце? Зевните ему в лицо, деликатно прикрывшись ладонью – что бы он вам ни говорил, проклинал бы вас, оскорблял или признавался в любви – просто зевните и отвернитесь. Можете вежливо извиниться, для пущего эффекта.

И чье же это равнодушие больше оцарапало – Амаргина или Ириса? На Амаргина – насмешливого, жесткого найла-северянина неопределенного возраста, с бледным лицом подземного жителя, мага в черном плаще, чья душа – абсолютные потемки, – я возлагала какие-то надежды. Ну, на дальнейшее свое существование. Мне казалось, он не бросит меня просто так. Поможет, проследит, хотя бы на первых порах, пока я не осмотрюсь в этом мире... родном для меня, но чужом, незнаваемом, неудобном... Хотя что-то подсказывало – зря я так на него надеюсь. Зря, зря, и лучше бы прекратить надеяться, потому что в один прекрасный момент надежды не оправдаются и, если я буду готова, это не размажет меня по полу, а всего лишь собьет с ног...

Впору пожалеть, что он вытащил меня из мертвого озера. И не потому, что кто-то должен ухаживать за спящим мантикором. Мантикор, в общем, и без меня не пропадет.

А вот Ирис... Ирис... О нем лучше совсем не думать.

«Почему ты называешь меня Лессандир? Меня зовут Леста». – «Ты наполняешь свое имя, как вода наполняет кувшин. И изнутри твое имя выглядит иначе, чем снаружи. Тот, кого ты допускаешь внутрь себя, может увидеть твое имя изнутри. Изнутри оно звучит как Лессандир».

«Лесс» – называет меня Амаргин. Он-то почему знает, как я выгляжу с изнанки? Я не допускала его внутрь... или он залез без спросу? Не залез – он и не заметил моих замков и запоров – он просто походя заглянул, увидел, зевнул, прикрывшись ладошкой, и дальше пошел. И обижаться тут нечего.

– Лесс, – сказал Амаргин, облизывая ложку, – как ты насчет того, чтобы прогуляться по бережку? Пойдем, руки-ноги разомнешь. К тому же я хочу тебе показать кое-что забавное.

– Поедем на лодке?

– Тебе лениво пройти пару миль пешком?

– Мне лениво оказаться без лодки перед двумя фарлонгами воды, когда ты вдруг вспомнишь про неотложные дела в самый неподходящий момент.

– В твоей лодке нет весел.

Я закусила губу. Весел нет, это верно. Кукушонок держал весла в сарае, он как раз пошел за ними, когда я отвязала лодку. Течение аккуратно снесло меня вниз, но до города теперь не добраться. Я все-таки была дура и балда. Не так надо было действовать, не так... Сама себя перехитрила.

– Что ж... пойдем пешком. Только обещай, что помо-

жешь мне вернуться обратно. Я досыта наплавалась сегодня утром... то есть четыре дня назад.

Амаргин усмехнулся, покачал головой:

– Зря ты боишься воды. – Я мгновенно нахохлилась. Что он понимает в страхах! – Вода не сделала тебе ничего плохого.

– Я боюсь. Я... я тонула. Теперь уже два раза. Амаргин, ты знаешь, что это такое, когда вода врывается в легкие?

Они словно из снега сделаны, легкие – они тают, когда их заливают вода.

– Ты лелеешь собственный страх, как ребенок лелеет куклу. А кукла – это муляж, подобие. Скорлупка, в ней нет души. Она ничто, – он щелкнул пальцами, – пустота.

Маг подобрал свой балахон и поднялся, по-стариковски растирая поясницу.

– Но ты также знаешь, Лесс, что куклы могут быть опасны. Любая пустота жаждет воплотиться. Хочешь породить какого-нибудь монстра собственным страхом? Монстры, как ты сама знаешь, они тут, рядышком.

Я стиснула зубы. Сейчас опять начнется: «если тебе трудно, то сразу откажись, не морочь голову ни мне, ни себе».

– Я справлюсь, – сказала я.

Амаргин приподнял брови:

– Вот и чудненько. Обувайся, и пойдем.

Я отвлеклась на поиски туфель и опять прозевала, как Амаргин открыл скалу. Золотой луч выстрелил из западной

стены и разделил пещеру на две неравные части. Сразу стало понятно, насколько темно в моем гроте.

Амаргину не было нужды играть на свирели или говорить заклинания. Он дожидался меня в проеме скалы, словно стоял в проеме шатра, небрежно придерживая закрывающие вход полы. Камень собрался складками под его рукой, будто толстое сукно. Я прошла мимо – и тяжелый занавес неслышно сомкнулся за нашими спинами.

– Вечереет, – сказал Амаргин весело. – Самое время.

Снаружи блаженствовало тепло. Жара уже спала, но море и небо ослепительно сверкали. От избытка света заболели глаза.

Мы спустились по едва заметной тропинке, огибающей Стекланную Башню с севера. Чуть дальше, в узкой щели, под защитой скальных нагромождений, я спрятала Кукушоночью лодку, но Амаргин был прав – без весел она мало на что годилась. Мы остановились у россыпи гранитных глыб, наполовину погруженных в воду. Маг, подобрав длинную одежду, перешагнул с берега на качающийся обломок скалы.

– Показываю еще раз. – Амаргин протянул мне руку и помог перебраться к себе. – Видишь камни над водой?

Я ясно видела цепочку валунов, тянующихся от нашего качающегося обломка до самого берега. Удобно. Ног не замочишь.

– Очень впечатляет. Только ты плутуешь, Амаргин, – буркнула я. – Сейчас их гораздо больше, чем обычно, и они

появляются, только когда ты рядом.

– Хм? Они всегда тут, смешная ты девчонка. Во время отлива их больше, во время прилива – меньше, но по ним всегда можно добраться до берега. Не думаешь же ты, что они выпрыгивают из воды по моему велению и подставляют свои спины, чтобы мы могли пройти посуху?

Снисходительная улыбка. Вымученно улыбаюсь в ответ. Какая мне польза от твоих философствований, Амаргин? Я хочу нормально, без приключений, уходить с острова и возвращаться на него в любое время. Тоже мне, показал чудесный тайный путь. Доверил знание великих волшебников древности.

– Запомни, Лесс, – реальность не приспособливается под тебя. Только ты можешь приспособиться под нее. Реальность не изменяется – изменяешься ты.

– Угу, – сказала я.

Он смерил меня скептическим взглядом. Почесал переносицу.

– И чего я с тобой вожусь? Ладно, пойдем.

Страж кладбища

Городское кладбище располагалось на склоне холма, за крепостной стеной. У ворот, на пороге своей будки, сидел старенький сторож, а рядом с ним, на земле, на расстеленной тряпице лежали куски пирога, вареные яйца, пара луковиц, яблоки и четвертинка сыра. Амаргин добыл из недр балахона оплетенный лозой кувшинчик, выставил его на тряпицу.

– Помяни моих мертвых, добрый человек.

Старик улыбнулся, покивал, сморщив коричневое лицо. Нагнулся, побряхтывая, и посудинка словно бы сама собой спряталась за порог, с глаз долой. Скрюченная стариковская лапка подобрала с тряпицы яблоко:

– И ты помяни моих мертвых, северянин.

– Мертвые живы нашей памятью, добрый человек. – Маг подбросил и поймал яблоко, потом повернулся ко мне и сказал тихонько: – Но на самом деле мертвых не существует.

– Как так? – удивилась я, догоняя широко шагавшего мага.

– Оп! – он опять подбросил яблоко. – Мертвое тело – всего лишь земля. А душа не умирает.

– А... – разочаровалась я, – ты об этом...

Периметр ограды обрамляли высокие вязы – темные и торжественные на фоне закатного неба. Солнце уже нырнуло за большой скалистый холм на северной стороне портовой бухты, кладбище и нижнюю часть города накрыла тень.

За воротами, на ровной площадке громоздилась церковь,

приземистая, суровая, из серо-розового местного камня. К ней вела мощеная дорожка, по обочинам росли кусты шиповника в брызгах коралловых ягод. Дальше, направо и налево, тянулась выкошенная лужайка. Ее украшали несколько плодовых деревьев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.